

ДУПЛЕКСИВЫ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПРЕДИКАТИВНЫМ

Иваненко Г. С.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1454-5047>

А н н о т а ц и я . В статье подвергается анализу одна из семантико-грамматических моделей русского языка, в которой логическая и грамматическая предикация не совпадают, – модель дуплексива с творительным предикативным (*он застал ее плачущей, родители увидели сына танцующим*). Дуплексивы вообще как члены предложения с двойной синтаксической связью обычно синкретичны. Однако исследуемая модель специфична. В материале показывается, что внешне похожие конструкции дифференцируются на основе количества семантических субъектов. В конструкциях с одним семантическим субъектом (*Елена вышла из дома плачущей*) дуплексив в творительном падеже выполняет предикативно-атрибутивную функцию и может быть квалифицирован как часть составного именного сказуемого. В конструкциях с двумя семантическими субъектами (*Дети увидели слона спящим*) дуплексив демонстрирует грамматическую аномалию, содержание которой описано в статье. В аспекте синтаксического анализа именной частью составного сказуемого такой творительный считать уже нельзя, поскольку такая квалификация нарушит требование к единству субъектной отнесенности предикативных частей (*дети увидели, а спящим был слон*). Поэтому такой дуплексив в творительном является предикативным не формально-грамматически, а семантически, имплицитно выражая значение логического предиката второго, также имплицитного, субъекта предложения. Изучение одной модели позволяет не только рассмотреть языковой казус, проявляющийся в несовпадении семантических и грамматических связей, но и через частное явление выйти в сферу философии языка и даже лингвокультурологии. В одном простом предложении без обособленных членов реализованы две логические связи субъектов с их процессуальными признаками, выраженные сложнейшими грамматическими отношениями. Если грамматическая компрессия может быть признана языковой универсалией, то столь сложная игра соотношения семантических и грамматических связей является явной манифестацией национальной семантикой своих грамматических возможностей, которые, безусловно, еще предстоит изучать лингвистическому сообществу в системе множества частных моделей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : дуплексив; синкретизм; полифункционализм; грамматическая компрессия; русский язык; члены предложения; синтаксис русского языка; грамматическая предикация.

DUPLEX SENTENCE PART WITH INSTRUMENTAL PREDICATIVE

Galina S. Ivanenko

South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1454-5047>

Abstract. The article analyzes one of the semantico-grammatical models of the Russian language in which logical and grammatical predications do not coincide – the model of the duplex sentence part with an instrumental predicative (*on zastal ee plachushchey, roditeli uvideli syna tantsuyushchim* he found her crying, the parents saw their son dancing). Duplex sentence parts in general, as sentence members with a double syntactic connection, are syncretic. However, the model under study is specific. The article shows that formally similar constructions are differentiated based on the number of semantic subjects. In constructions with a single semantic subject (*Elena vyshla iz doma plachushchey* Elena left the house crying), the duplex sentence part with a predicative in the instrumental case performs a predicative-attributive function and can be qualified as part of a compound nominal predicate. In constructions with two semantic subjects (*Deti uvideli slona spyashchim* Children saw the elephant sleeping), the duplex sentence part demonstrates a grammatical anomaly, the essence of which is described in the article. Syntactically, this instrumental case form cannot be considered a predicative (i.e. part of a compound nominal predicate), as long as such analysis does not conform to the requirement to the uniformity of subject correlation of the predicatives (the children saw but it was the elephant that was sleeping). That is why such duplex

sentence part with instrumental predicative is predicative not in the formal-grammatical sense but semantically, implicitly expressing the meaning of the logical predicate of the second, also implicitly expressed subject. The study of one model allows the author not only to consider the language peculiarity, which manifests itself in the discrepancy of semantic and grammatical relations, but also to penetrate the sphere of language philosophy and even linguoculturology via a particular phenomenon. One simple sentence without detached members of the sentence, realizes two logical connections between subjects and their processual features, expressed by the most complex grammatical relations. If grammatical compression can be recognized as a language universal, then such a complex play of correlation of semantic and grammatical relations is a clear manifestation by the national semantics of its grammatical potential, which, of course, is yet to be studied by linguistic community in the system of many particular models.

Key words: duplex sentence part, syncretism, polyfunctionality, grammatical compression, Russian language, sentence parts, Russian syntax, grammatical predication.

Для цитирования: Иваненко, Г. С. Дуплексивы с творительным предикативным / Г. С. Иваненко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 4. – С. 99–108. – DOI: 10.26170/FK20-04-10.

For citation: Ivanenko, G. S. (2020). Duplex Sentence Part with Instrumental Predicative. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 4, pp. 99–108. DOI: 10.26170/FK20-04-10.

Уровень изученности структурно-грамматической стороны русского языка достаточно высок. Белые пятна в этой сфере уже немногочисленны, и тем актуальнее рассмотрение языковых феноменов, свойства которых настолько специфичны, что не позволяют однозначно определить их синтаксический статус.

Объектом рассмотрения в настоящем материале стала одна структурно-семантическая модель, а именно дуплексивы с творительным предикативным типа: *Я увидел его сидящим в кресле у окна; Родители надеялись застать ребенка читающим; Мы увидели Макса стоящим неподвижно у воды.*

Предмет изучения – взаимосвязь семантических отношений компонентов модели и их грамматических свойств, их синтаксическая квалификация.

Целью работы стало описание природы выявленной грамматической аномалии.

Обоснование актуальности. На вопрос: может ли анализ конкретной модели предложения способствовать осмыслению языковой системы и заслуживает ли он внимания? – ответим утвердительно. Очень сложный разговор о структурной типологии синтаксических единиц может состояться и привести к полному описанию системы только при условии рассмотрения всех конкретных моделей, частных и типологически значимых одновременно.

Относительно рассматриваемой модели возникает целый ряд вопросов. Первый во-

прос формальный, но актуальный: как выполнить синтаксический анализ предложения? Второй: почему возможен вопрос от слова, обозначающего действие одного семантического субъекта, к слову, обозначающему процессуальный признак другого (я увидел *каким?* сидящим)? И разве причастия и прилагательные могут относиться к глаголам? Третий: почему слова, находящиеся в непосредственной семантической связи (*его сидящим*), в данной конструкции не связываются ни естественным вопросом, ни грамматической категорией падежа, несмотря на склоняемость и способность к согласованию?

Системные описания синтаксических отношений в предложении [Шахматов 1925; Грамматика русского языка 1960; Шведова 1970; Русская грамматика 1980] не содержат ответов на поставленные вопросы. Отсутствуют они также и в учебниках по современному русскому языку, представляющих преимущественно целостную и непротиворечивую организацию связей в предложении [Бабайцева, Максимов 1987; Лекант 2004; Долбик, Леонович, Супрун-Белевич, 2010]. Наличие пробелов в системе указывает на ее дискретность и, следовательно, на потребность в устранении этих пробелов. По итогам работы над синкретичными членами предложения Л. Д. Чеснова сделала вывод о том, что существующая система членов предложения не отражает более сложных языковых реалий и что «ис-

следователей перестало удовлетворять существующее в лингвистике описание грамматической сочетаемости» [Чеснокова 1973: 15]. Понимание несовершенства системы не всегда подводит к способам устранения этих несовершенств. Накопление материала в этом направлении – уже шаг в сторону развития.

Базовые понятия и история развития темы. Определяя понятие *модель* в лингвистике, часто пытаются освободить его от семантической составляющей: «Модель есть некоторый отвлеченный образ, представляющий в наиболее общем виде грамматическое содержание и формальную характеристику некоторого синтаксического построения» [Чеснокова 1973]. Притом исследования, посвященные изучению синтаксических моделей, показывают значимость не только структурно-грамматической компоновки модели, но и ее лексического наполнения. Каждое слово, конечно, не может образовать отдельную модель – такое дробление было бы слишком частным и порождало бы неоправданно большое для целей систематизации количество структур. Однако рассмотрение только и исключительно *структурной* модели, понимаемой как комплекс синтаксических позиций, не отвечает запросам современного языкознания, ищущего границы обязательной и факультативной сочетаемости, зависимости реализации грамматической сочетаемости от лексического наполнения. Безусловно, речь идет о больших группах семантически объединенных слов. Поэтому *модель* в настоящем случае понимается как структурно-грамматическая синтаксическая организация языковых единиц, реализующих модельную семантику типологически организованными лексическими средствами. Общность модели предполагает 1) тождественность синтаксических связей между словами; 2) типологичность семантических отношений между элементами структуры. Как выясняется, общность по указанным параметрам не может быть абсолютно индифферентна к лексическому наполнению конструкта. Семантические группы ключевых «игроков» модели реализуют определенные семы модели, и следствием пунктов 1) и 2) является 3) зависимость от лексической тематики не только выражаемых моделями общих смыслов, но и возможностей грамматической операцио-

нальности: инверсии компонентов, участия в синтаксической синонимии.

Так, косвенно и обобщенно речь о подобных моделях идет в работах, посвященных **синкретизму** [Бабайцева 1983, 2000, 2008; Баудер 1988; Чеснокова 1988; Чернова 2003; Лапина 2013]. Е. В. Лапина аккумулировала представления о синкретизме различных лингвистических школ: «В лингвистике термином „синкретизм“ обозначаются: 1) снятие дифференциации падежных форм (Б. Дельбрюк, Н. Н. Дурново, Р. О. Якобсон); 2) языковая категория, возникающая в результате совпадения в парадигматике и синтагматике (Л. Ельмслев); 3) нейтрализация противопоставления (О. С. Ахманова); 4) совмещение признаков противопоставленных языковых единиц (В. В. Бабайцева)» [Лапина 2013]. **Синкретизм** – 1) «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических форм и категорий в одной форме»; 2) «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений предложения, членов предложения и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [БЭС 1998]. Это сложное явление, заключающееся в совмещении двух функций одной единицей языка, дает нам очень важную информацию о философии языка, а именно о дифференциации факта и конвенции при квалификации языковой единицы, и требует дальнейшего изучения. Однако синкретизм охватывает очень широкий спектр явлений. Синкретичны в массе своей сравнительные обороты, приложения, при широком понимании синкретизма – все причастные и деепричастные обороты, при узком – значительная их часть.

Также исследуемая в настоящей статье модель в более широких типологических группах подвергалась рассмотрению в числе **дуплексивов** – синкретичных членов предложения, реализующих параллельно «два синтаксических отношения к двум грамматически разным словам – к имени и к глаголу: по отношению к имени дуплексив выражает атрибутивные отношения, по отношению к глаголу – обстоятельственные или объектные» [Чеснокова 1973].

В рамках такой обширной классификации были выделены общие признаки разнотипных дуплексивов, но специфика рассматриваемых не дифференцирована. Так, в статье С. Г. Чернобривец рассматриваются в одном ряду совершенно разнотипные явления: (1) *Мать пришла усталая* и (2) *Ешьте фрукты свежими* [Чернобривец 2011: 107], в то время как они принципиально различаются таким значимым признаком, как совпадение / несовпадение субъекта, характеризуемого глаголом и прилагательным: (1) *мать пришла* и *мать же усталая*; (2) *вы ешьте*; *фрукты свежие*. Признание невозможности определения всех таких конструкций как предикатов основано, во-первых, на неоправданном обобщении, во-вторых, на неразличении разных семантических акцентов, отраженных на синтаксической функции и, соответственно, пунктуации. Представляется неубедительным приведенный автором статьи довод в пользу невозможности квалификации дуплексива как предиката в конструкции (1) *Княгиня вошла одетая* на том основании, что возможен подбор синонимичной конструкции с обособлением: (2) *В то время вошла княгиня, уже одетая*. (1) и (2) различаются коммуникативным заданием: (1) сообщает о виде княгини, в то время как факт ее входа дан как пресуппозиция, а (2) сообщает о действии княгини, а именно о ее входе, обособленное определение выполняет второстепенную информационную функцию. Представляется, что в (1) *вошла одетая* – сказуемое с контекстуально ослабленным полнзначным глаголом и актуализированной именной частью, а в (2) *вошла* – простое глагольное сказуемое, *одетая* – центр обособленного определения.

Проведенный анализ описания исследуемого явления в научной литературе свидетельствует о том, что обобщение семантически и коммуникативно разнородного материала грамматическими универсалиями, безусловно, создает обобщенную картину явления, но, по-видимому, все-таки нивелирует значимые различия типологически неоднородных групп, не позволяя увидеть индивидуальный облик языкового факта, что побудило к его рассмотрению автора настоящего материала.

Исследование. Дуплексивные конструкции различных типов, имея с «нашими» что-

то общее, различаются значимыми сематическими и конструктивными особенностями. Важно это потому, что доказывает зависимость поведения модели от лексического наполнения [Иваненко 2005]. Сравним дуплексивы в (А) и (Б). Тожественно средство выражения дуплексива творительным падежом существительного, но различна семантика сказуемого, а следствием является другой нормативный порядок следования компонентов:

А. В конструкциях типа (1) *Я увидел ее* (2) *матерью* – теоретически инверсия (1) и (2) возможна, но на практике или не существует, или крайне малочастотна, поскольку Национальный корпус русского языка [НКРЯ] не показал ее в первых 50 употреблениях.

Б. (1) *Девочкой* (2) *она хорошо пела* – приведенный порядок слов типичен, но инверсия (1) и (2) не только возможна, но и практически регулярно реализуется, хотя менее частотна, чем прямой порядок.

По-видимому, тождественный формально компонент предложения, собственно рассматриваемый дуплексив, выраженный существительным в творительном падеже, с точки зрения коммуникативного синтаксиса в А является ремой, а в Б – темой, и потому инверсивные возможности этих компонентов коммуникативной структуры не тождественны.

Другие же собратья по отнесенности к дуплексивам (В), совпадая в пассивности инверсирования, отличаются от исследуемых (А) средствами выражения предикативности, характером смысловой и грамматической связи с семантическим и грамматическим субъектом.

В. (1) *Он* (2) *просыпается веселый* – хотя прилагательное *веселый* и реализует одновременно двойную связь и синкретизм, выражая определительную и обстоятельственную семантику, все-таки эти колебания и дополнительные смыслы не мешают ему характеризовать состояние одного семантического и грамматического субъекта (1) и в комплексе с глаголом составлять предикативную характеристику (2) подлежащего (1). Синкретизм и статус дуплексива не приводят в данном случае к неразрешимому конфликту, препятствующему синтаксической идентификации по ныне существующим классификациям.

А (1) *Николай Иванович* (2) *обнаружил* (3) *книгу* (4) *лежащей на полу* – исследуемый дуплексив,

выраженный причастием в творительном падеже, не может в рамках современной синтаксической системы быть частью сказуемого ни по семантическим, ни по грамматическим причинам. (1) – семантический и грамматический субъект, (2) – совершенное им действие, (3) – объект этого действия, (4) – семантически прежде всего признак объекта (3), но дополнительно, скорее грамматически, чем семантически, характеристика действия (2).

Приведенные сравнения показали, что даже тождественность средства выражения специфического синтаксического компонента, из-за своей двунаправленной зависимости получившего название дуплекси́ва, не гарантирует стабильности его конструктивной позиции и синтаксической функции, а следовательно, не образует структурно-семантической модели – комплекса значения, синтаксической структуры, позиционных возможностей, коммуникативной (в широком смысле) функции.

Рассмотрим поочередно пунктуационное оформление, семантику, грамматику исследуемой модели и удивимся нарушению в ней целого ряда системных языковых закономерностей.

Обратимся к пунктуации как к надстройке над собственно языком, средству его реализации в письменной коммуникации. Понимая ее конвенциональную природу, обратим внимание на отражение в этой конвенции выявленных языковых закономерностей и взаимосвязей. В исследуемой конструкции отсутствие запятой перед причастием всем очевидно. Однако давайте попытаемся доказать это, используя имеющийся у нас инструментарий. Причастие с зависимыми словами находится в постпозиции по отношению к главному слову. По всем признакам и правилам обособление должно быть. Но его не может быть по семантическим причинам, которые все же хотелось бы формализовать. Объяснение, например, обособления по семантическим причинам препозитивного определения удалось сделать верифицируемым: семантический эффект объясняется грамматически. Определение перед определяемым словом обособляется, если имеет большую смысловую нагрузку (семантика), то есть вступает в параллельные синтаксические связи с двумя словами и, как

следствие, выполняет две синтаксические функции, проявляя синкретизм (грамматика).

Относительно рассматриваемой ситуации не удалось найти подобного объяснения, позволяющего обоснованно нарушить систему пунктуационных правил. Отсутствие запятой объясняется обобщенно тесной смысловой связью определения с определяемым словом [Розенталь 2004: 108]. Или же мотивация пунктуации определяется синтаксическим статусом слова, определение которого – еще более трудная задача: «Прилагательные или причастия, одиночные и с зависимыми словами, при любом порядке слов не обособляются, если они включены в состав сказуемого» [Лопатин 2006: 160].

С приведенными положениями на семантическом уровне невозможно не согласиться, но каково грамматическое проявление семантического феномена? Или в этом случае семантика самодостаточна и не проецируется на собственно языковые категории? Рассмотрим же уникальность сплава семантико-грамматического строя рассматриваемых конструкций.

Мы увидели Ивана лежащим на кровати.

В семантическом плане конструкция имеет два предикативных центра, что проявляется в наличии двух семантических субъектов и двух семантических предикатов: 1) мы увидели 2) Иван [был / являлся] лежащим. Синтаксическим синонимом исследуемого предложения будет любая конструкция с двумя грамматическими основами:

1) два простых предложения: *Мы увидели Ивана. Иван лежал на кровати;*

2) сложное предложение с подчинительной связью: *Мы увидели Ивана, который лежал на кровати;*

3) сложное предложение с сочинительной связью: *Мы увидели Ивана, и он лежал на кровати;*

4) сложное предложение с бессоюзной связью: *Мы увидели Ивана, он лежал на кровати.*

Синтаксически синонимичной будет также конструкция с обособленным определением, выраженным причастным оборотом: *Мы увидели Ивана, лежащего на кровати.* Конечно, некоторые стилистические акценты при трансформации сместятся. В конструкции с согласованным обособленным определением Ивана увидели неожиданно, а в исследуемой

конструкции с причастием в творительном падеже встреча с Иваном была как будто предсказуема. В предложении *Мы увидели Ивана лежащим на кровати* на первый план выходило не сообщение о факте встречи с Иваном, а передача впечатления от нее.

Сравнение рассматриваемой структурно-семантической модели с синонимами позволяет сделать вывод, что она представляет собой результат компрессии – следствие закона экономии речевых усилий. В одно простое предложение, притом без обособления, всегда несущего более сложные отношения, вместились две предикативные связи.

Следующие смысловые компоненты определяют комплексную семантику выражения:

1. Пресуппозиция. Конструкция имеет пресуппозицию: говорящий ожидал увидеть Ивана; он с лицами, названными местоимением *мы*, искал Ивана, либо предполагал его встретить там, куда направлялся, либо говорил или писал об Иване – иными словами, речь об Иване уже шла, что таинственным образом становится понятно из предложения, в котором *Мы увидели Ивана* определенно является темой, согласно терминологии коммуникативного синтаксиса.

2. Настоящее момента речи. Конструкция всегда подчеркивает фиксацию момента получения какой-либо информации (обычно визуальной), актуализирует эффект присутствия семантического субъекта – получателя впечатления. Примеры с иной семантикой реализации темпорального значения будут реализовывать другую семантико-грамматическую модель. Описанная семантика формализуется как грамматикализованными формами причастия, так и неграмматикализованными:

Мы застали Ивана обедающим с товарищами – причастие настоящего времени, от глагола несовершенного вида, призванное выражать значение признака по действию, совершаемому в момент речи;

Мы застали Ивана уже пообедавшим с товарищами – причастие прошедшего времени, от глагола совершенного вида, которое должно обозначать признак по действию, имевший место в прошлом, но в рассматриваемых конструкциях актуализируется потенциальная сема действия, оставившего следы в настоящем. Такое значение выделяется у причастий,

но в данном случае оно активно актуализировано.

Ограничений в типе причастия не наблюдается: преимущественно это действительные причастия, но возможны и страдательные: *Мы застали узников привязанными к столбу*. Не исключены также прилагательные в роли средства выражения присоединенного фрагмента: *Мы встретили его сытым после обеда в честь губернатора*.

3. Семантика момента речи, независимо от времени причастия и вида производного глагола, формируется прежде всего семантикой глагола-предиката со значением восприятия: *увидеть, встретить, найти*. При чем глагол может иметь другое значение, однако сема восприятия в исследуемой конструкции актуализируется и доминирует. Ср: *Мы нашли клад* и *Мы нашли ее заплаканной из-за недавнего происшествия* (актуализируется сема неожиданности, обнаружения); *Мама увидела меня из окна* и *Мама увидела меня не выставившей после ночной смены*. Конструкция создает впечатление сообщения о нарушении предполагаемого хода событий. Интересно, что и в настоящем времени средствами несовершенного вида, и в прошедшем и будущем средствами совершенного создается в равной мере фотографический снимок момента:

Он нашел ее заплаканной после концерта (прошедшее мгновенного впечатления).

Он находит ее заплаканной после концерта (настоящее в значении прошедшего или (по контексту) настоящее прогностическое).

Он найдет ее заплаканной после концерта (будущее прогностическое или (по контексту) будущее в значении прошедшего).

Глаголы других семантических групп в такой конструкции возможны, но либо малопродуктивны, либо стилистически снижены: *Петр надел пальто порванным*. *Анна купила блузку запачканной краской*. И в любом случае это уже другая семантико-грамматическая модель.

Самое главное, что делает описываемую конструкцию семантическим казусом – несовпадение семантики ключевых слов, образующих смысловой центр сообщения: *застал плачущим, увидел целующимися, нашел расстроенной*. Глагол обозначает мгновенное действие, оставляющее след в последующем, а прича-

стие / прилагательное выражает начавшийся до момента речи процесс, длящийся и после него. Зависящие друг от друга, спаянные, два слова формируют гораздо более сложную и эффективную смысловую структуру, чем синонимичные: сравните *Он увидел Валю плачущей над разорванной книгой* и *Он увидел Валю, которая плакала над разорванной книгой*. Но не всегда, не при каждом глаголе такая замена вообще возможна: *Он застал Валю плачущей над разорванной книгой*, но *Он застал Валю, которая плакала над разорванной книгой* – аномальная конструкция. По-видимому, слово «застать» максимально отчетливо выражает семантику неожиданного впечатления, ради которой рассматриваемая конструкция и существует в языке, и потому все другие средства отказываются реализовывать уникальный смысл. К тому же слово «застать» в примененном значении «неожиданно увидеть» имеет бипольную обязательную валентность и требует при себе в равной мере прямого дополнения «кого?» и второго члена предложения: либо «каким?», либо «где?» (*я застал его на пороге*). Отсутствие второй валентности возможно при употреблении слова «застать» в другом значении: «успеть встретить».

Но не столько семантика, сколько грамматика конструкции заставляют воспринимать ее как казус.

1. Каким членом предложения является причастие / прилагательное? Определительный характер семантики и видимая связь с существительным заставляют воспринимать этот элемент предложения прежде всего как определение. Примечательно, что согласования в падеже не происходит: *застал Валю* (винительный падеж) *скачущей* (творительный падеж). Правда, имеет место согласование в числе и роде. И хотя неполное согласование языком принято и практикуется в речи, отсутствие согласования именно в падеже у двух склоняемых слов – казус. Сможем ли мы вспомнить другие подобные ситуации?

2. Не менее оригинальна дуплексивная сущность причастия / прилагательного, которая в нашей модели проявляет себя максимально раздвоенно. В семантическом плане определительная семантика явно доминирует. Конечно, вопрос: *Валю (какой?) скачущей?* – звучит неказисто, но мы понимаем,

что вопрос не является главным инструментом в определении синтаксической функции. Смысл модели в том, чтобы определить Валю как скачущую.

3. Но творительный предикативный аналогией как одним из языковых законов давит и усиливает связь с глаголом. Сравним: *Саша проснулся невыспавшимся* – нарушена традиционная модель простого глагольного сказуемого, поскольку глагол движения призван именовать самостоятельное и самодостаточное действие, а не выполнять связочную функцию. Все это правильно, и все же *проснулся невыспавшимся* – пусть и нетипичный, но предикат с творительным предикативным, образующим с глаголом органичную, хотя и нетипичную для языка комплексную характеристику подлежащего – результат компрессии двух признаков. Вот с такой моделью и вступает в аналогию наша. Формально две характеристики притягиваются и провоцируют увидеть в предложении *Застал Валю скачущей* сказуемое *застал скачущей*, что будет неверным с позиций и структурного синтаксиса, и семантического, и коммуникативного: глагол и причастие относятся к разным субъектам (*застал кто-то, а скачет Валя*). Самый естественный вопрос: *Застал (какой?) скачущей?* – является аномалией в формальном аспекте. Согласно классическим системным взглядам, существующим в современной русской грамматике, от глагола, как известно, не задается вопрос к прилагательному и причастию. От глагола может зависеть наречие, существительное, местоимение предметного класса, но не причастие и прилагательное. Но и в семантическом аспекте творительный предикативный *скачущей* никак не характеризует сказуемое *застал*: это не указание на образ действия, время, место, причину, цель, меру, степень. И характеристика другого субъекта не может быть отнесена к предикату. При определении наличия связи с глаголом оказывается важна семантика компонента в творительном падеже.

Если этот компонент – прилагательное или причастие, не связанное с категорией темпоральности, связь с глаголом не возникает: *Мы увидели Ивана сидящим за столом*. Характеристика *сидящий* никоим образом не характеризует глагол *увидели*. Так что остается толь-

ко признать, что вторая синтаксическая связь отсутствует. А значит, и дуплексива никакого нет? И творительным предикативным он назван напрасно?

Но стоит в рассматриваемой семантико-синтаксической модели средством выражения имплицитного предиката оказаться причастию, выражающему связь с категорией времени, появляется и связь со сказуемым: *Мы встретили его уже уходящим из дома. Встретили (когда?) выходящим из дома*, то есть в момент выхода из дома, во время выхода из дома. Значит, проявление качества дуплексива зависит не только от грамматической структуры, но и от ее лексического наполнения.

Предлагаем не снимать с дуплексива, выраженного творительным предикативным, его статуса, но считаем нужным наполнить его иным смыслом. В рассматриваемом случае творительный не потому предикативный, что выражает именную часть сказуемого, как в *Он пришел небритым*, а потому, что выражает имплицитно предикативные отношения (ее плачущей = она плачущая). И дуплексивом причастие / прилагательное в творительном падеже можно считать по причине реализации им в семантическом плане эксплицитно атрибутивной, имплицитно предикативной функции по отношению к имени.

В конструкциях с двумя семантическими субъектами (*Дети увидели слона спящим*) дуплексив демонстрирует грамматическую аномалию: будучи выраженным согласуемой частью речи, не согласуется в падеже со словом, которое характеризует, а вопросом присоединяется к слову, к которому обычно относиться не может (прилагательные и причастия не относятся к глаголам). Слово в творительном падеже реализует функцию семантического предиката по отношению ко второму семантическому субъекту (*слон спящий*), с которым ослаблена грамматическая связь, а с тем словом, к которому присоединяется вопросом, семантически практически не связано. Именной частью составного сказуемого такой творительный считать уже нельзя, поскольку такая квалификация нарушит единство субъектной отнесенности (*дети увидели, а спящим был слон*).

Изучение описанной модели дает нам информацию и в сфере философии языка и лингвокультурологии. В одном простом предложении без обособленных членов предложения реализованы две логические связи субъектов с их процессуальными признаками, выраженные сложнейшими грамматическими отношениями. Язык проявил в исследуемой модели парадоксальность и в то же время стремление к выражению тонких оттенков смыслов, а именно сочетания пресуппозиции с фиксацией момента получения впечатления. Если грамматическая компрессия может быть признана языковой универсалией и может подтвердить один из тезисов философии языка о стремлении к экономии речевых усилий, то столь сложная игра связей между языковыми единицами является явной манифестацией национальной грамматикой своих семантических возможностей, которые, безусловно, еще предстоит изучать лингвистическому сообществу в системе множества частных моделей.

Выводы. Анализ рассматриваемой структурно-семантической модели ((1) *Я нашел* (2) *ее заплаканной*) с дуплексивом – творительным предикативным показал ее своеобразие: в простом предложении без обособленных членов предложения компрессивно совместились две логически предикативные связи, одна из которых грамматикализована как основа предложения (1), а другая (2) формально уведена во второстепенные члены, причем связь между логическим субъектом и его процессуальным признаком грамматически не оформлена. Выявленная в предшествующих исследованиях двойная синтаксическая связь с именем и глаголом реализуется не регулярно, а только при выражении прилагательным или причастием в творительном падеже темпоральных отношений. Изучение одной конструкции типа *Он застал ее плачущей* позволяет не только рассмотреть языковой казус, проявляющийся в несовпадении семантических и грамматических связей, но и через частное явление выйти в сферу философии языка и даже лингвокультурологии.

Литература

- Бабайцева, В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В. В. Бабайцева // Филологические науки. – 1983. – № 5. – С. 35–42.
- Бабайцева, В. В. Явления переходности в грамматике русского языка : монография. / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.
- Бабайцева, В. В. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1987. – 256 с.
- Бабайцева, В. В. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : учебник для студ. высш. учеб. заведений : в 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова [и др.] ; под ред. Е. И. Дибровой. – 3-е изд., стер. – М., 2008. – 624 с.
- Баудер, А. Я. Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка и смежные явления / А. Я. Баудер // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка : межвузовский сб. научных трудов. – М., 1988.
- Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998.
- Грамматика русского языка : в 2 т. – М. : АН СССР, 1960. – Т. 2, ч. 1. – 702 с.
- Долбик, Е. Е. Современный русский язык : хрестоматия : в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис / Е. Е. Долбик, В. Л. Леонович, Л. Р. Супрун-Белевич. – Минск : БГУ, 2010. – 295 с.
- Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Либерком, 2009. – 352 с.
- Иваненко, Г. С. Понятие утверждения в юрислингвистике / Г. С. Иваненко // Материалы региональной конференции «Актуальные проблемы русского языка», посвященной 70-летию ЧГПУ / под общей ред. Л. П. Гашевой. – Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 2005. – С. 468–472.
- Лапина, Е. В. К вопросу о синкретизме второстепенных членов предложения / Е. В. Лапина. – Текст : электронный // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 4. – URL: <http://human.snauka.ru/2013/04/2727> (дата обращения: 25.08.2020).
- Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учеб. пособие / П. А. Лекант. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2004. – 247 с.
- Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. – URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 25.08.2020). – Текст : электронный.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник : одобрено Орфографической комиссией РАН / авт. Н. С. Валгина, Н. А. Еськова, О. Е. Иванова, [и др.] ; отв. ред. В. В. Лопатин ; Рос. акад. наук, Отд. историко-филол. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Эксмо, 2006. – 478 с.
- Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Пунктуация / Д. Э. Розенталь. – М. : ОНИКС 21 век, 2004. – 263 с.
- Русская грамматика: научные труды : в 2 томах / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1980. – 1496 с.
- Чернобровец, С. Г. Трудный случай квалификации члена предложения двойной зависимости // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63), № 2, ч. 2. – С. 105–108.
- Чернова, Л. А. Обстоятельство или определение? Основные типы синкретичных членов предложения / Л. А. Чернова // Русская словесность. – 2003. – № 8. – С. 56–61.
- Чеснокова, Л. Д. Синкретизм в сфере членов предложения / Л. Д. Чеснокова // Филологические науки. – 1988. – № 4.
- Чеснокова, Л. Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями / Л. Д. Чеснокова. – Ростов-на-Дону, 1973. – URL: <http://genling.ru/books/item/foo/soo/zoo00015/st017.shtml> (дата обращения: 01.05.2020). – Текст : электронный.
- Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка. Выпуск первый. Учение о предложении и о словосочетаниях / А. А. Шахматов. – Л. : АН СССР, 1925. – 440 с.
- Шведова, Н. Ю. Грамматика современного русского языка / Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 769 с.

References

- Babaytseva, V. V. (1983). Zona sinkretizma v sisteme chastei rechi sovremennogo russkogo yazyka [Syncretism Zone in the System of Parts of Speech of the Modern Russian Language]. In *Filologicheskie nauki*. No. 5, pp. 35–42.
- Babaytseva, V. V., Maksimov, L. Yu. (1987). *Sovremennyy russkii yazyk: v 3 ch. Ch. 3. Sintaksis. Punctuaciya* [Modern Russian, in 3 parts. Part 3. Syntax. Punctuation]. 2nd edition. Moscow, Prosveshchenie. 256 p.
- Babaytseva, V. V., Nikolina, N. A., Chesnokova, L. D. et al., (2008). *Sovremennyy russkii yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh edinit: v 2 ch. Ch. 2. Morfologiya. Sintaksis* [Modern Russian Language. Theory. Analysis of Language Units, in 2 parts. Part 2. Morphology. Syntax] / ed. by E. I. Dibrova. 3rd edition, stereotypical. Moscow. 624 p.
- Babaytseva, V. V. (2000). *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [The Phenomenon of Transition in the Grammar of the Russian Language]. Moscow, Drofa. 640 p.
- Bauder, A. Ya. (1988). *Yavleniya perekhodnosti v grammaticheskom stroe sovremennogo russkogo yazyka i smezhnye yavleniya* [Transitivity Phenomena in the Grammatical Structure of the Modern Russian Language and Related Phenomena]. In *Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Moscow.

- Chernobrivets, S. G. (2011). Trudnyi sluchai kvalifikatsii chlena predlozheniya dvoinoi zavisimosti [A Hard Case Qualifying a Duplex Part of the Sentence]. In *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Social'nye kommunikacii»*. Vol. 24 (63). No. 2, part 2, pp. 105–108.
- Chernova, L. A. (2003). Obstoitel'stvo ili opredelenie? Osnovnye tipy sinkretichnykh chlenov predlozheniya [Adverbial Modifier or Attribute? Main Types of Syncretic Sentence Members]. In *Russkaya slovesnost'*. No. 8, pp. 56–61.
- Chesnokova, L. D. (1973). *Semanticheskie tipy chlenov predlozheniya s dvoynymi otnosheniyami* [Semantic Types of Sentence Members with Double Relationships]. Rostov-on-Don. URL: <http://genling.ru/books/item/fo0/soo/zoo00015/st017.shtml> (mode of access: 01.05.2020).
- Chesnokova, L. D. (1988). Sinkretizm v sfere chlenov predlozheniya [Syncrctism in the Sphere of Sentence Parts]. In *Filologicheskie nauki*. No. 4.
- Dolbik, E. E., Leonovich, V. L., Suprun-Belevich, L. R. (2010). *Sovremennyy russkii yazyk: khrestomatiya: v 3 ch. Ch. 3. Sintaksis* [Modern Russian Language: a Reader, in 3 parts. Part 3. Syntax]. Minsk, BGU. 295 p.
- Grammatika russkogo yazyka: v 2 t.* [Grammar of the Russian Language, in 2 vols.]. (1960). Moscow, AN SSSR. Vol. 2, part 1. 702 p.
- Ivanenko, G. S. (2005). Ponyatie utverzhdeniya v yurisl'ingvistike [The Concept of a Statement in Legal Linguistics]. In Gasheva, L. P. (Ed.). *Materialy regional'noi konferentsii «Aktual'nye problemy russkogo yazyka», posvyashchennoi 70-letiyu ChGPU*. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 468–472.
- Lapina, E. V. (2013). K voprosu o sinkretizme vtorostepennykh chlenov predlozheniya [On the Question of Syncrctism of Secondary Members of the Sentence]. In *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. No. 4. URL: <http://human.snauka.ru/2013/04/2727> (mode of access: 25.08.2020).
- Lekant, P. A. (2004). *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntax of the Simple Sentence in Modern Russian]. 3rd edition. Moscow, Vysshaya shkola. 247 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (mode of access: 25.08.2020).
- Rozental', D. E. (2004). *Spravochnik po russkomu yazyku. Punktatsiya* [Guide to Russian Language Punctuation]. Moscow, ONIKS 21 vek. 263 p.
- Shahmatov, A. A. (1925). *Sintaksis russkogo yazyka. Vypusk pervyi. Uchenie o predlozhenii i o slovosochetaniyakh* [Syntax of the Russian Language. Issue One. Teaching about Sentences and Phrases]. Leningrad, AN SSSR. 440 p.
- Shvedova, N. Yu. (1970). *Grammatika sovremennogo russkogo yazyka* [Grammar of the Modern Russian Language]. Moscow, Nauka. 769 p.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaya grammatika: nauchnye trudy: v 2 tomakh* [Russian Grammar: Collected Papers, in 2 vols.]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. 1496 p.
- Valgina, N. S., Es'kova, N. A., Ivanova, O. E., et al. (2006). *Pravila russkoi orfografii i punktatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian Spelling and Punctuation] / ed. by V. V. Lopatin. Moscow, Eksmo. 478 p.
- Yarceva, V. N. (Ed.). (1998). *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Yazykoznanie* [Large Encyclopedic Dictionary. Linguistics]. Moscow, Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya».
- Zolotova, G. A. (2009). *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow, Liberkom. 352 p.

Данные об авторе

Иваненко Галина Сергеевна – доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.

E-mail: gala.april@mail.ru.

Author's information

Ivanenko Galina Sergeevna – Associate Professor of Department of Russian Language and Methods of Teaching Russian, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia).